

Александр I и Таганрог. Правда и вымыслы, или Сказы няни Чеховых – Агафьи Кумской

Шапочка Е. А.

Памятник на площади

12 сентября 1998 года на бывшей Банковской площади нашего города (ныне Александровская) был открыт памятник императору Александру I. Установили его на том же месте, что и в 1831 году, если, конечно, не иметь в виду абсолютную точность.

Мысль о сооружении в Таганроге памятника царю возникла вскоре после его кончины в Таганроге 19 ноября 1825 года. Государыня Елизавета Алексеевна пожертвовала от себя 10 тысяч рублей, а всего же было собрано более 57 тысяч рублей. За создание проекта и его осуществление взялся ректор Академии художеств И. П. Мартос, уроженец Таганрога.

Из истории города, составленной П.П. Филевским, известно, что место для установки памятника указала государыня – против Иерусалимского монастыря, где Александра I отпели и где было погребено его сердце. Известно также, что бронзовая статуя на гранитном пьедестале была отправлена из Петербурга 18 мая 1831 года водным путем. 10 сентября памятник прибыл в Таганрог, а открытие состоялось 11 октября на Монастырской площади.

Место вокруг памятника постепенно благоустраивалось. В 1837 году монумент был обнесен чугунными тумбами и цепями, в 1844 году выставили почетный караул. В 1880 году садовод А.К. Ромено разбил и рассадил сквер, который мы сегодня можем рассмотреть на открытке начала века с видом памятника Александру I.

Сегодня на месте Греческого Святой Троицы (Иерусалимского) монастыря стоит серый жилой дом. Памятник обрел свое место по соседству с банком, таможней и жилым домом, заняв при этом место рождественской елки.

Неправильная провинция

Таганрог, с какой стороны на него ни посмотри, – славен. Море уникально. Прилегающие степи выпестовали не один кочевой народ. Скифы, сарматы, печенеги, татаро-монголы сменились здесь в калейдоскопе времени. Сам Таганрог, назови его хоть младшим братом красавицы-сестрицы Одессы, как писали на страницах газет столетней давности, хоть братом на правах старшего среди таких городов, как Мариуполь или Азов, никогда не был, да уже и не будет банальной провинцией. Это уже потому, что, как выразился ученый и писатель З.С. Паперный, в духовном мире Чехова столица – Таганрог. Город дал миру Чехова, и одно это событие ставит его трехсотлетнюю историю в исключительное положение.

Чехов – точка отсчета во многом и для многих. Имя это объединяет, высвечивает разные вещи. Есть, к примеру, в Таганроге дом, его часто называют дворцом, в котором умер царь Александр I. Казалось, что может быть общего, если в год кончины императора на свет божий только появился отец будущего писателя Павел Егорович? Но временная связь есть, и о ней речь впереди.

Что в имени твоём

Стоит в Таганроге на углу бывшего Дворцового переулка и улицы Греческой дом, известный всем как дворец Александра I. Он славен не только именем императора. Мемориальная доска на здании рассказывает: «В этом доме в июне 1820 года останавливался по дороге на Кавказ великий поэт Пушкин и герой Бородинского сражения 1812 года генерал Н.Н.

Раевский». Народная и официальная память соединили два громких имени – царя и поэта, не всегда памятуя о третьем, о нашем гениальном уроженце Антоне Павловиче Чехове.

В годы чеховского детства в доме, некогда принадлежавшем таганрогскому градоначальнику, генералу П.А. Папкову, действовала домовая церковь, в которой не раз приходилось петь в хоре под руководством отца Павла Егоровича братьям Чеховым. Церковь во имя Воздвижения Св. Креста была устроена в память о пребывании и кончине в этом доме царя Александра I по желанию государыни. В доме берегли прижизненное убранство дворца, но с течением времени отдельные его элементы были утрачены. Ныне сохранившаяся мебель, отдельные предметы быта представлены в экспозиционных залах музея «Градостроительство и быт г. Таганрога» и в историко-краеведческой экспозиции, что во дворце Алфераки. В самом же здании находится детский санаторий «Березка».

Старший брат Чехова Александр Павлович, по выражению английского слависта Дональда Рейффилда – один из великих болтунов, отличающийся наблюдательностью, отсутствием стыда и кипящей, неугомонной речью, оставил нам откровенные мемуары о Таганроге, его обитателях, о семье своего детства, о брате-писателе. Последние воспоминания он написал незадолго до своей кончины по впечатлениям о приезде в родной город и опубликовал их в ноябрьских номерах газеты «Таганрогский вестник» в 1912 году. Очерк А. Седого (Александра Павловича Чехова) «Таганрог пятьдесят лет тому назад. Записки случайного туриста» калейдоскопичен: в нем можно прочесть об улицах, домах, людях, событиях и даже две легенды о пребывании Александра I в Таганроге. Особую ценность легенды обрели потому, что рассказаны они няней Чеховых Агафьей Кумской.

Агафья Александровна, любившая детей не по обязанности, а по свойствам своего сердца и души, прожила в семье Чеховых около двух десятков лет. Младший брат Чехова Михаил Павлович указывал на то, что один из самых поэтических рассказов Чехова «Счастье» написан под впечатлением рассказов няни «о таинственном, необыкновенном, странном и поэтическом».

Приведем фрагмент очерка Александра Павловича Чехова со сказами А. Кумской.

Сказы няни Агафьи Кумской в записи Александра Чехова

Недавнее посещение дворца <...> навело меня на мысль рассказать и о тех легендах, которые сложились в Таганроге о пребывании в нем Александра Благословенного и о которых я слышал в детстве от разных лиц. Все эти рассказы о покойном государе – сплошной вымысел: в них ни одного слова не только исторической, но и вообще какой-либо правды. Но этот вымысел так иной раз поэтичен, так красив и в то же время простодушен, что обойти его молчанием было бы, по-моему, грешно.

Легенды сложились с одной стороны под влиянием обывательской гордости: в нашем же городе жил царь, а с другой стороны он, проникнутый безыскусственной любовью к этому царю, уважением к нему и подчеркивает его обходительность, ласковость и доступность. Нужно прибавить к этому, что, как это всегда бывает в народном творчестве, события, характеризующие Александра I с хорошей стороны, растянуты в легенде на очень длинный промежуток времени, чуть ли не на целые годы, тогда как на самом деле государь прожил в Таганроге лишь очень короткое время.

Рассказывать я буду, не мудрствуя лукаво, и, по возможности, придерживаясь той простоты, которая сквозила в речах тех лиц, которые мне их передавали. Повторяю, что в них нет ни одного слова правды, но мне, теперь уже старому человеку, не хотелось бы унести их с собою в могилу, «никому не поведав. Ведь и в вымыслах подчас бывает своеобразная и неподдающаяся серьезной критике прелесть».

Жила у нас в доме во время моего малолетства нянька Агафья Александровна по фамилии, кажется, Кумская. Тогда она заканчивала приблизительно шестой десяток и утверждала, что в те времена, когда здесь жил государь, она была уже довольно смыслящей девчуркой и не раз будто бы видела царя собственными глазами. В свое время она была крепо-

стной, не помню теперь чьей, и муж ее был тоже крепостной. Потом, с освобождением крестьян, она вышла на волю. Словом, это была типичная и даже давно уже описанная в литературе старушка-нянька из крепостных. Детворы у нас было, как говорится, полон дом, и все были мал мала меньше. Любили мы, детвора, группироваться в зимние вечера вокруг Агафьи Александровны у теплой печи и, глядя на огонь, слушать с затаенным дыханием ее повествования о прошлом.

Начинала Агафья Александровна эти повествования для нас, но затем помаленьку уходила в свое прошлое, увлекалась, забывалась и начинала рассказывать уже для самой себя. В эти моменты ей было безразлично, слушают ее или нет, и если ее в это время окликал кто-нибудь из старших, то она как будто бы просыпалась, встряхивала старческой головой и не без смущения произносила:

– Что же я, старая?.. Стала рассказывать и забылась... Вот грех-то...

Она-то и рассказывала нам про пребывание государя в Таганроге, и вот один из таких ее рассказов.

«Царь был батюшка, настоящий царь, а жил просто и даже совсем просто. Бывало генералы и господа (т.е. помещики) на тройках да на четверках с форейторами разъезжают, а он, голубчик, накинёт на плечи солдатскую шинель, да и ходит по улицам и по базару, как простой солдат, и прислушивается к тому, что говорят люди: нет ли у кого горя. А то выйдет в офицерском мундире и при шашке с матушкой государыней под ручку и начнет по Большой улице гулять и мимо лавок ходить. Остановится перед какой-нибудь лавкой и спросит:

– Хочешь, Лизета, я тебе этот апельсинчик куплю?

– Нет, мерси тебя, Александр Павлович, – отвечает государыня. – Я дома уже два скушала.

Идут они дальше, как два голубка, а народ сзади них идет и ими любитесь, только этого не показывает, а так, будто бы каждый по своему делу идет. Народу было строго приказано, чтобы царю дорогу не перебегали и, когда он гуляет, чтобы не мешали, а главное, по привычке, дурных слов чтобы не произносили. А об своих делах или о чем-нибудь божественном говори, сколько хочешь. Это не возбранялось, и за этим полицмейстер строго следил... Так вот идут государь с государыней дальше по улице и остановятся у другой лавки и тоже любовно:

– Ты бы, Лизета, себе этой материи на платье набрала. Почем за аршин – не беспокойся, я за все заплачу.

– Покорно мерси, Александр Павлович. Мне эта материя не по вкусу. И, кроме того, у меня и без того платьев много.

Народ слушает и понимает, что им ни апельсинов, ни материй вовсе не нужно и что они это нарочно так говорят, чтобы публику к умным и приятным разговорам приучать. Пройдутся до самого Казенного сада, а там новый разговор начинают:

– Пойдем, Лизета, домой во дворец чай пить. Мне очень чаю захотелось. Только пойдем назад по Греческой улице. Мне хочется, чтобы и греки видели, как мы с тобой в согласии живем.

– Пойдем, Александр Павлович. И греки тоже люди. Надо и им пример показать.

Народ очень любил смотреть, как они прогуливаются вдвоем, но царь батюшка любил больше гулять один по базару в солдатской шинели, чтобы его не узнавали, и в таком виде он очень много добра делал.

Случилось раз так, что идет государю навстречу пьяный солдат и нечаянно толкнул его. Государь обиделся и крикнул:

– Ты чего, дурак, толкаешься? Разве ты не знаешь, кто я? Эй, полицмейстер, взять его в часть!..

А пьяный солдат смелый был. Не испугался, встал во фронт и ответил:

– Никто меня не смеет в часть забрать. Я в двенадцатом году за Россию сражался и кровь проливал.

Подлетел полицмейстер и хочет взять его в часть, а государь останавливает:

– Не трогай его. Он в двенадцатом году хорошо сражался, и мы с ним вместе француза из Москвы гнали. Вот тебе, служба, пятак, сходи опохмелись, да только вперед не толкайся.

Солдат – в ноги. Взял царскую монету, ушел с нею пешком в Киев, да там в монахи постригся, и до самой смерти, глядя на этот пятак, все за царя со слезами молился. А после того игумен эти деньги в золотую рамку вставил...

Так вот, детки, идет раз Александр Павлович по базару в простой солдатской шинели и нарочно, как будто бы его в двенадцатом году на войне ранили, на одну ногу чуть-чуть прихрамывает, чтобы его не узнали. Идет по базару, прислушивается и приглядывается, как бы кому доброе дело сделать. И видит он, что одна торговка сидит, бубликами торгует, а сама плачет и горькими-прегорькими слезами обливается. Подошел он к ней и спрашивает жалостливо:

– Чего, тетка, плачешь? Или тебя кто обидел?

Не узнала его торговка, и все теми же горькими слезами обливаясь, ответила:

– Как же мне, служивый, не плакать, когда у меня горе большое? Была у меня коровушка, да нынче ночью издохла. А у меня ребятишек трое – все солдатские дети, и все маленькие. Чем я их теперь кормить буду? Оттого и плачу.

– А ты кто такая, тетка, будешь? – спрашивает государь.

– Солдатка я, служивый. Муж у меня такой же солдат был, как и ты. В двенадцатом году на войну ушел, да с тех пор о нем ни слуху ни духу.

– А как его, тетка, звали? Архип?

– Нет, служивый, его Герасимом звали. Высокий такой. Может быть, знаешь?

– Как же, тетка, знаю. Хороший солдат был. Мы с ним вместе сражались. А где ты живешь?

Тетка сказала.

– Не горюй, тетка: за Богом молитва, а за царем служба никогда не пропадают. Как-нибудь обладим дело.

Сказал и пошел дальше, а на другое утро приходит торговка на базар радостная и довольная и всем рассказывает, какое с нею чудо прошлой ночью случилось. Накормила она с вечера ребятишек и уложила спать, а после помолилась Богу и сама спать легла. Пospала немножко, проснулась и не может заснуть: все о своей горькой доле сиротской думает. Уже вторые петухи пропели, а ей все еще не спится. Ворочается с боку на бок, а сна ни в одном глазу – хоть убей. Стали петь третьи петухи, и только что пропели, как в окошечко кто-то тихонько: тук-тук-тук... Испугалась она, подошла к окошечку и спрашивает:

– Кто там?

А ей кто-то с улицы незнакомым голосом отвечает:

– Не бойся, свои. Зла тебе не желаем. А ты лучше выйди из хаты да погляди. Что найдешь во дворе, то и твое. Корми ребятишек молочком, да Богу молись.

Не поняла сначала торговка, а потом, когда стало светать, вышла на двор и видит: бродит по двору чья-то корова и ворота заперты. Рассудила так, что ей на бедность какой-то добрый человек коровкою милостыньку подал. Поплакала от радости и поставила в стойло....

Проходит неделя-другая. Вдруг к ней тот же самый, что и прежде, солдат подходит и ласково говорит:

– Здравствуй, тетка. Мы с твоим Герасимом в двенадцатом году вместе в одном полку служили. Ну что, как твоя новая коровка?

Вскочила торговка от этих слов, лицо стало злое-презлое, выверила глаза на солдата, да как крикнет:

– Чтоб тому ни дна, ни покрышки, кто ко мне эту проклятую корову привел! И корова проклятая, и сам он будь трижды проклят!..

– А что такое, тетка?

– Бодливая корова и лягается, чтоб ей в тартарары провалиться! Как ни начну доить, а

она брыкнет ногой и перевернет подойник. Все молоко на землю и выльет... Чтоб ей скиснуть, этой корове, и тому чтоб скиснуть, кто ко мне ее привел... Лядащая коровенка, чтоб ей пусто было.

– А я не знал, что она такая прыткая. Ну, не сердись, тетка: как-нибудь и это дело обладим.

И опять пошел дальше. А наутро опять торговка вышла на базар веселая и радостная. Ночью опять после третьих петухов к ней в окошечко кто-то с улицы постучал и велел на двор выйти. Когда стало рассветать, она поднялась с постели, умылась, оделась и пошла корову доить. Глядь, а в стойле уже новая корова вместо прежней стоит. Начала доить, а она смиренная...

Вот какие добрые дела Александр Благословенный делал. Оттого его и Благословенным прозвали, что он добрый был...»

Агафья Александровна умолкала, а затем строго прибавляла к рассказу:

– Ну, а теперь, детки, спать идите. Завтра в свое время вставать надо будет...

– Расскажи, няня, еще что-нибудь, – приставали мы.

– В другой раз расскажу, а теперь бай-бай...

В другой раз тоже у теплой печки она рассказала нам другую легенду.

«Жил-был на Рыбном базаре, недалеко от крепости, столяр или плотник и делал он сундуки такие точно, какие на Успенскую ярмарку теперь привозят. Звали его Пантелей, и была у него жена – Федосья. Оба уже старые были. И был у них сын Петро – хороший и работающий парень. Он был маляр и размалевывал разными красками те сундуки, что отец делал. Продавали они эти сундуки на базаре и возили по слободам на ярмарки. Жили они хорошо: была у них корова своя и по двору куры и утки ходили.

Рядом с ними жили соседи – рыбак Семен Иванович с женой Аксиньей – тоже оба старые. Была у них дочка Параска, красивая девка, и просватали ее за Петра, а свадьбу назначили после Петрова дня, а пока суд да дело, старики ходили друг к дружке в гости, все равно как родные. Наловит Семен Иванович в море рыбки и велит сварить уху, а Пантелей принесет с собою штоф водки – и пойдет у них раздолье. А Петро и Параска глядят на них и думают, что и они так же хорошо жить будут. Рыбак говорил, что когда умрет, то и баркас, и рыболовные сети дочке оставит, а Пантелей обещал после себя и хату, и мастерскую, и инструмент сыну отдать. Выходило так, что молодые богатыми будут.

А господь иначе рассудил. Как раз на самих Петра и Павла, когда люди еще в церкви были, занялась ни с того ни с сего Пантелеева хата, и загорелся пожар. Пока на колокольнях звон подняли и пока народ из церкви сбежался, – хата уже вся в огне стоит и так и пылает, так и пылает. Прибежали два солдатика каких-то и стали тушить, но только ничего не могли сделать. Пантелей, хотя и недалеко от воды жил, около самого моря, да воды нечем было достать. Так и погорели бедные. И корова сгорела.

Заплакал Пантелей и пошел с жинкой и с сыном к соседу Семену Ивановичу, все равно как к родне. А рыбак и говорит ему:

– Так и быть, живите где-нибудь в сарае, а Параску свою я теперь за Петра не отдам, потому что вы теперь голые и ничего у вас нет. Даже и корова, и гроши сгорели. За нищего я дочку не отдам. Я ей найду жениха богатого.

Заплакали Петро и Параска, потому что очень любили друг дружку. А солдатники, что вдвоем на пожар прибежали, тут же были и весь этот разговор слышали. Подошел один из них к погорельцам и говорит:

– Не печальтесь. Бог дал, Бог и взял. Будет у вас скоро новая хата, и корова будет, и опять кур заведете.

– А ты кто такой будешь? – спросил сквозь слезы Пантелей.

– Я – простой солдат. В двенадцатом году сражался и кровь проливал, а вы будьте благонадежны.

– Ну, и ступай себе с Богом, служивый, и без тебя горько и тошно, – сказал Пантелей.

– Надейтесь на Бога и не плачьте, а хата у вас будет, и Петра с Параской повенчаем, –

утешил солдат.

Подумал Пантелей, что солдат над ним смеется, и даже здорово выругал его. Солдат смолчал и ушел со своим товарищем. А на другой день вдруг приезжает сам полицмейстер. Вошел во двор к рыбаку и требует:

– Которые тут погорели? От какой причины? Отчего знать не дали и протчее?..

Попужал немножко для порядка и говорит уже ласково:

– Пантелей с супругой Федосьей и сын ихний Петро, выходите вперед, становитесь в ряд.

Вышли все трое погоревших, смурные такие, и думают, что их строго накажут за то, что за огнем не досмотрели. А полицмейстер полез в карман, вытащил пачку денег ассигнациями и говорит:

– По царскому Его Величества великодушному соизволению и милости прислано тебе, Пантелей, двести рублей на новую хату. Тебе, Федосья, – сто рублей на корову и на обустройство погорелого хозяйства. А тебе, Петро, и невесте твоей Параске – пятьдесят рублей на свадьбу. Получайте гроши, а хожалый за неграмотных уже расписался.

Все так и ахнули. Не знают как и Бога благодарить. Удивился Пантелей и спрашивает:

– Каким же манером, ваше высокоблагородие, батюшка царь, дай Господи ему здоровья, про наше горе проведаль?

– Государь во образе солдата самолично изволил на пожаре быть, – ответил полицмейстер.

Раздал деньги и уехал. Подошел рыбак Семен Иваныч и говорит:

– Поздравляю. Посылай теперь, Пантелей, за полуштофом: будем царскую милость праздновать, а завтра и свадьбу сыграем.

– Ну, нет, брат, – ответил Пантелей. – Теперь, когда ты увидел у меня гроши, так и ластиться начал, а полчаса тому назад Параску за богатого отдавать хотел? Ну и отдавай, а мы при наших грошах себе другую девку выберем, почище Параски.

Слово за слово – и стали старики ругаться. Встряли в спор и Федосья с Аксиньей – и дошло дело до очипков... Петро и Параска упали старикам в ноги и стали просить их, чтобы помирились – так куда тебе: еще хуже стало. Старухи даже за косу схватились. Догадался тут Петро, схватил пустой штоф и сбегал в питейный. Не устояли старики против водки, выпили по одной, да по другой, да по третьей – и помирились, а за вторым штофом даже и целоваться полезли. А Петро и Параска пошептались и скорее сбегали к приходскому батюшке. Пришел отец Федор, живо дело наладил и на другой день и перевенчал молодых. И стали они жить да поживать, да добра наживать.

А солдат как будто бы в воду канул. Встретили они раз на базаре солдата и хотели подойти и поблагодарить, да не посмели, потому что знали, что это царь. А солдат и вида не подал: только кивнул головой, улыбнулся и пошел дальше...

Вот, детки, какое добро Александр Благословенный втихомолку творил... А теперь – спать пора. Идите скорее, раздевайтесь и ложитесь. Завтра в свое время вставать надо...»

Таковы две легенды, рассказанные простодушной няней Агафьей Александровной. Она верила в них и с этой верой тихо сошла в могилу. А сколько, помимо нее, отошло в лучший мир старичков и старушек, у которых тоже были свои легенды и повести о царе в Таганроге! Не дошло до нас их нехитрое творчество со всей его полудетской и наивной прелестью.